

Если посмотреть вниз...

Можно увидеть крутой склон с извивающейся лестницей, которая казалась опасной, если оступиться.

Стены домов старые и покрыты случайными граффити...

Повсюду разбросаны окурки и мусор.

Если посмотреть вверх...

Неприглядное зрелище пропадало.

Вместо этого было видно горстки сверкающих звезд и большую луну, освещающую темноту.

Я жил в трущобах на склоне холма.

* * *

У бедных детей было не так уж много игр, в которые они могли играть.

Они могли прыгать по линиям, нарисованным на парковках... или пинать изношенный футбольный мяч.

А если даже это было невозможно, оставалось лишь валяться и любоваться небом.

Из-за проблем со здоровьем я не мог играть с другими детьми, а дома мне было почти нечем заняться.

Учебник по естествознанию, выданный социальным работником, был зачитан до дыр. Позднее, когда он слишком растрепался, я переключился на газеты. Хотя я не мог понять половину содержания из-за сложных слов, я перечитывал их снова и снова.

Когда даже это потеряло свою новизну, я просто смотрел на небо и мечтал.

Темное ночное небо было моим холстом. Используя только свое воображение, я мог свободно рисовать, не тратя денег на краску.

Что, если бы я родился богатым?

Что, если бы я мог устроить дождь из печенья «Choco Pie», как Тэмин в моем классе во время выборов президента класса?

Что, если бы я наткнулся на волшебную лампу, валяющуюся на улице?

Все фантазии моего детства не имели финала.

Сцена, где я разбогател.

Сцена, где я разбрасывал ножки жареной курицы вместо печенья во время выборов президента класса.

Сцена нахождения волшебной лампы в кошачьей миске для еды во время прогулки по тропинкам на склоне холма.

Во всех подобных сценах я просто не мог представить, что будет дальше. В своих фантазиях я, которому вдруг невероятно повезло, просто не знал, что делать дальше, и сдавался.

Как говорил один философ: «Подражание – мать творчества». Как человек, никогда не видевший динозавра, не мог его себе представить, так и я, никогда не испытывавший счастья, не мог этого постичь.

Я мог лишь смутно набросать улыбающееся лицо.

* * *

Почему люди ненавидят друг друга? Я задумался об этом, будучи учеником средней школы.

На самом деле я задумался об этом не потому, что я хотел погрузиться в философские

размышления, а из вынужденного любопытства, поскольку «друзья» из класса избивали меня каждый день.

Иногда меня били за то, что у меня нет денег. Иногда меня били за то, что у меня нет школьных принадлежностей. Иногда меня били за то, что у меня нет матери. Они придумывали какую-то причину каждый раз, когда размахивали кулаками, но они знали, и я знал, что все это пустые оправдания.

Поэтому я и задумался о настоящей причине.

Настоящей причине, почему меня, тихого ребенка, так сильно мучили. Если это действительно было просто бессмысленное издевательство, тогда возникал вопрос; как люди могут так просто ненавидеть других без причины?

С тех пор в моем воображении стали появляться злодеи.

Монстры, которые крадут мою обувь и бросают ее в кусты. Монстры, которые тайно вонзают мне в спину канцелярские кнопки во время занятий. Монстры, которые крадут школьные принадлежности, которые мне едва удалось себе позволить, и выбрасывают их в унитаз.

В воображаемой истории, где меня преследовали монстры и я находился в опасности, я разбогател, или устроил дождь из куриных ножек, или нашел волшебную лампу, лежащую на земле.

Однако счастливого конца все еще не было. Даже если бы мне удалось избавиться от монстров, они бы рано или поздно вернулись. Я потерял ход времени, как в реальности, так и в своих фантазиях.

Но однажды мне стало слишком больно.

Я думал, что это физическая боль, но это было не так. Хотя на моем теле было довольно много синяков, на тот момент эти синяки уже не болели.

Это мое сердце болело.

Так же как с кариесом на зубах, я начал чувствовать боль только тогда, когда бактерии достигли нерва. Мое сердце медленно гнило, пока наконец это гниение не достигло критической отметки.

Я плакал от страха и горя.

Если самая драгоценная часть моего сердца будет разрушена, я перестану быть самим собой. В

тот момент, когда я перестану быть собой, сдерживаемый гнев высвободится наружу. Я начну выкрикивать ругательства, хвататься за острые предметы и нападать на «друзей», обижавших меня.

Дело не в том, что я боялся стать преступником.

Дело в том, что я боялся потерять свою человечность.

Как обычно бывает, первый раз будет самым трудным, второй раз станет легче, а к третьему уже станет привычно. В тот момент, когда я стану человеком, который применяет насилие перед лицом гнева, я стану таким же, как монстры в моем воображении.

Нет, я буду еще хуже этих монстров.

Они могли посещать школу, ни в чем не нуждаясь. Оба их родителя были живы. У них были друзья, с которыми они могли тусоваться. Но у меня не было ничего из этого.

Если я потеряю свою человечность, у меня не останется ничего кроме гнева и насилия. Я должен был защитить свое сердце. Я хотел защитить свое драгоценное сердце любой ценой.

Я действительно старался изо всех сил.

* * *

При внимательном наблюдении можно многому научиться.

Это касалось и наблюдения за людьми. Некоторые аспекты были невероятно сложными, а другие были довольно простыми и поддавались схематизации. Я изучал человеческие типы, дифференцируя их и выясняя, какое поведение для каких типов наиболее эффективно.

Удивительно, но люди не так уж ценили безоговорочную преданность. Время от времени нужно было отступать от преданности, чтобы напоминать другим о вашей ценности. Люди, как правило, больше привязаны к тому, что они боятся потерять, чем к тому, что точно останется с ними.

Людей очень заботило социальное восприятие. Можно было использовать взгляды других как оружие. Даже самые жестокие головорезы теряли самообладание под пристальным вниманием

множества глаз.

Итак, что касается людей, которые меня ненавидели...

Гораздо эффективнее было заставить группу неких других людей ненавидеть их, чем ненавидеть их в ответ.

Вместо того, чтобы жить так, как хотелось сердцу, я жил, просчитывая все в голове.

Я улыбался, когда грустил, и плакал, когда был счастлив. Угождая окружающим, я также вынуждал их действовать в мою пользу. «Настоящий я» задышался внутри, но это было лучше, чем быть избитым.

Таким образом, я жил механической студенческой жизнью.

Я вступил в клуб, решив, что это хорошая среда для построения дружеских отношений.

Я даже завел девушку, чтобы занять более высокое положение в обществе. Она была не в моем вкусе, но я предвидел неприятности, которые возникли бы, если бы я отверг ее признание.

Она, вероятно, распустила бы обо мне неприятные слухи, удивляясь, как я посмел отвергнуть ее и все такое.

Затем, в такой же день, как и любой другой...

«Хочешь попробовать поиграть в настольную ролевую игру? Я увидела на YouTube, как другие люди играют, и думаю, что смогу организовать игру даже лучше, чем они».

Так сказала моя девушка.

Меня это не интересовало, но я не отказался.

Она сказала мне создать персонажа.

Даже не дав мне никакой информации о сеттинге игры, она просто сказала придумать что-нибудь для жанра фэнтези. Вернувшись домой, я положил перед собой лист бумаги и долго размышлял.

Какого персонажа мне следовало создать? Даже в рамках фэнтези существовало много поджанров. Если я не угадаю, мне придется играть с тем, что я придумал? И что, черт возьми, такое «атака по возможности»? Вопросов было слишком много.

Спустя какое-то время в голову вдруг пришла идея, и я взял ручку. На белой бумаге я написал всего одно слово: «Варвар».

Мой первый персонаж настольной ролевой игры, варвар, был персонажем, воплощающим в себе мои желания.

Что, если бы... я был физически крепок и полон мужества?

Что, если бы я мог расколоть головы всех злодеев, с которыми я столкнулся, пополам?

Было забавно представлять такое.

Возможно, тогда мне просто хотелось переписать свое несчастное детство. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было не очень хорошее отношение к игре. Еще раз подчеркну: между персонажем и игроком должна быть проведена четкая граница.

Поскольку встретились никчемный гейм-мастер и никчемный игрок, будущее этой игровой сессии было довольно предсказуемым.

Мой персонаж, варвар, кидался раскалывать головы при появлении врагов. Даже когда NPC просили рассказать историю или рассказывали свою жалкую историю, я просто бросал кубик.

Тем временем ГМ представил подозрительно могущественных NPC. Почему такие персонажи, как Имперский принц или Великий правитель севера, появились, пока мой персонаж исследовал шахту в горной деревне?

Мой бессильный персонаж ничего не мог сделать. Эти сверхсильные красавчики уничтожили все угрозы в мире, ничего не оставив после себя.

И тогда произошло то, о чем я уже упоминал.

Это было просто неизбежно.

Хотя моя первая настольная ролевая игра была всего лишь обманом... Как бы это сказать? Я испытал странное чувство. Возможно, мне понравилось полагаться на сердце, а не на голову.

Или, может быть...

Я думал, что с помощью НРИ я смогу завершить историю, которую никогда не мог нарисовать под ночным небом трупоб на склоне холма.

Вот почему мне начали нравиться НРИ.

Я искал историю в этой крошечной пьесе, разворачивающейся на бумаге. Захватывающую и прекрасную историю, которая могла бы перечеркнуть все несчастья моей жизни.

* * *

— Как ты думаешь, какой должна быть эта история?

— Во-первых, в ней должна быть романтика. Игровые сессии становятся интересней, когда в них присутствует любовь.

— А еще?

— Без невзгод и трудностей тоже не обойтись. Ведь главному герою нужно преодолевать трудности, чтобы расти.

— Еще что-нибудь?

— Обязательно должен быть юмор. Это как убить двух зайцев одним выстрелом. Юмор не только сделает игровую сессию веселее, но, если поместить его рядом с трагедией, это также привнесет изюминку.

— Если я правильно понимаю, ГМ – это тот, кто управляет игрой. А игрок – это тот, кто... наслаждается игрой... Кем ты хочешь быть?

— Я хочу быть ГМ. Колодец должен выкопать тот, кого мучает жажда.

— Так вот почему ты так хотел создать мир.

— Да.

— Хорошо. Я помогу тебе. Я тоже... ищу свою историю. Ты ведь создашь мир и для меня, верно? Поскольку ты монополизировал большую часть гранта, то твоя совесть...

— Понял я, понял.

На перилах трущоб на склоне холма под ярко сияющей луной...

Глава Башни и я дали друг другу обещание, скрестив мизинцы.

* * *

Во всем этом был один критический недостаток. Когда изливаешь свою душу другим... становится очень неловко, когда вдруг приходишь в себя.

Я не мог смотреть в глаза главе Башни около трех дней.

<http://tl.rulate.ru/book/100891/3509992>